

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 6
2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдигов

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Ситдигов А.Г., д.и.н. (Казань); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Галимова М.Ш.**, к.и.н. (Казань); **Чижевский А.А.** к.и.н. (Казань); **Иванов В.А.** д.и.н. (Уфа); **Боталов С.Г.** д.и.н. (Челябинск); **Голдина Р.Д.** д.и.н. (Ижевск).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmaylov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Izmaylov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Galimova Madina Sh.** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ivanov Vladimir A.** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Botalov Sergei G.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Goldina Rimma D.** Doctor of Historical Sciences. (Izhevsk).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Петрович Казаков: к 85-летию юбилею известного казанского археолога. Основные труды Е.П. Казакова	9
Голдина Р.Д. (<i>Ижевск, Россия</i>) О Евгении Петровиче Казакове	21
Чижевский А.А. (<i>Казань, Россия</i>) Евгений Петрович Казаков и археология Ананьинской историко-культурной исторической области	28
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Вклад Е.П. Казакова в решении угорской проблемы в археологии Урало-Поволжья	42
Хузин Ф.Ш. (<i>Казань, Россия</i>) Старейшина татарской археологии (85-летию Е.П. Казакова)	47
Скаков А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>), Джопуа А.И. (<i>Сухум, Республика Абхазия</i>) Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги)	53
Подосенова Ю.А., Данич А.В. (<i>Пермь, Россия</i>) Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры	61
Семькин Ю.А., Гисматуллин М.Р. (<i>Ульяновск, Россия</i>), Крылов Ю.В. (<i>Сенгилей, Россия</i>) Борисов А.Е. (<i>Ульяновск, Россия</i>) Клад раннесредневековых артефактов из Сенгилеевского района Ульяновской области	79
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане)	95
Крыласова Н.Б. (<i>Пермь, Россия</i>) Об одном из декоративных элементов мужского пояса XI в. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае)	111
Крыласова Н.Б., Белавин А.М. (<i>Пермь, Россия</i>) Эволюция «прикамской чаши» в эпоху средневековья	121
Боталов С.Г. (<i>Челябинск, Россия</i>) Зауральская угорская ойкумена эпохи средневековья	138
Исхаков Д.М. (<i>Казань, Россия</i>) Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ	160
Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. (<i>Самара, Россия</i>) Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ	177
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Болгарская археологическая культура: структура и содержание понятия	198
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Реконструкции убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии	223
Мухаметшин Д.Г. (<i>Болгар, Россия</i>) Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения	240
Губайдуллин А.М. (<i>Казань, Россия</i>) О болгарских городищах Западного Закамья	252
Баранов В.С., Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года	260
Степанов Р.А. (<i>Казань, Россия</i>), Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Створка литейной формы из раскопа СХСII Болгарского городища	277
Недашковский Л.Ф. (<i>Казань, Россия</i>) Керамика с Увекского городища по архивным данным	283
Беляев А.В., Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдинов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Археологические и междисциплинарные исследования мусульманского кладбища «Биш-Балта» Адмиралтейской слободы Казани в 2017 г.	300

Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. (Москва, Россия) Процессы сложения антропологических особенностей городского населения Центральной России в XVI – XVIII вв.	314
Данилова С.А. (Севастополь, Россия) Некрополь базилики “Крузе” по данным антропологии	334
Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. (Пенза, Россия) Население Пензы XVI – XVIII вв. по данным краниологии	337
Список сокращений	358

CONTENS

Evgeny Petrovich Kazakov. The 85th Anniversary of a Renowned Kazan Archaeologist. Major Works by E.P. Kazakov.	9
Goldina R. D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov	21
Chizhevsky A.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Evgeny Petrovich Kazakov and the Archaeology of Ananyino Cultural and Historical Area	28
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The Contribution of E.P. Kazakov: to the solution of the ugrian problem in the archeology of the Ural-Volga region	42
Khuzin Fayaz Sh. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Honoured Figure in Tatar Archaeology (85th Anniversary of E.P. Kazakov)	47
Skakov A. Yu. (<i>Moscow. Russian Federation</i>), Dzhopua A.I. (<i>Sukhum, Republic of Abkhazia</i>) Study of a Buryal Ground on Mount Dzhantukh (Summary Results)	53
Podosenova Yu. A., Danich A. V. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Temple Accessories of Bayanovskiy Burial Ground of the Lomovatovskaya Archaeological Culture	61
Semykin Yu.A., Gismatulin M.R. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>), Krylov Yu.V. (<i>Sengiley, Russian Federation</i>) Borisov A.E. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>) Hoard of Early Medieval Artifacts from the Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast	79
Rudenko K.A. (<i>Kazan Russian Federation</i>) New data on bulgarian houses of pre-mongol time (on materials of the Ostolopovsky settlement in Tatarstan)	95
Krylasova N.B. (<i>Perm, Russian Federation</i>) One of the Decorative Elements of a 11th Century Men's Melt (Based On Materials from Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Region)	111
Krylasova N.B., Belavin A. M. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Evolution of "Prikamskaya Bowls" in the Middle Ages	121
Botalov S.G. (<i>Chalyabinsk, Russian Federation</i>) Trans-Ural Ugric Oecumene of the Middle Ages	138
Iskhakov D.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Medieval Ishtyak Community of Cis-Urals and Trans-Urals: historiographic and concrete historical analysis	160
Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Salugina N.P. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Ceramics from the Burials Zhiguli II Ground Burial: morphology, technical and technological analysis	177
Izmaylov I.L. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Archaeological Culture: concept structure and content	198
Zhilina N.V. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Reconstructions of the Attire of Adornments of the Early Historical Period of Volga Bulgaria	223
Mukhametshin D.G. (<i>Bolgar, Russian Fedeation</i>) Oriental, Western European and Foreign Coins from Bolgar. Periodization of Distribution ...	240
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) Bolgar Settlements of Western Trans-Kama Region	252
Baranov V.S., Izmaylov I.L., (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>) On Attribution of a Signet Ring from Bolgar Excavations of 2010	260
Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Fedeation</i>), Badeev D.Yu. (<i>Moscow. Russian Federatiom</i>) Casting Mould Leaf from Excavation CXCII at Bolgar Settlement	277

Nedashkovsky L.F. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Ceramics from Uvek Settlement on the Basis of Archival Materials	283
Belyaev A.V., Abdullin Kh. M., Sayfutdinova G. M., Sitdikov A. G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Archaeological and Interdisciplinary Studies of Bish-Balta Medieval Muslim Cemetery in Admiralteyskaya Slodboda of Kazan in 2017	300
Goncharova N.N., Konopelkin D.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Formation of Anthropological Features of Central Russia Urban Population in 16th-18th Centuries	314
Danilova S.A. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) “Kruse” Basilica Necropolis on the Basis of Anthropologic Data	334
Ikonnikov D.S., Kalmin O.V., Kalmina O.A. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Penza Population in 17th – 18th Centuries on the Basis of Craniology Data	337
List of Abbreviations	358

УДК 908

<https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00086>

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИШТЯКСКАЯ ОБЩНОСТЬ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2019 г. Д.М. Исхаков

В статье рассматривается недостаточно изученная проблема средневековой иштыкской этнической общности Приуралья и Зауралья, принявшей участие в формировании татарского населения Пермского Приуралья и Зауралья (Западной Сибири) и башкир этой же зоны. В результате проведенного исследования сформулирована точка зрения об угорских этнических истоках средневековой «остякской» этнической общности северо-западного Приуралья, в дальнейшем однако испытавшей сильное воздействие тюрков разного происхождения (булгар, кимаков, золотоордынских групп, включая ногайцев и шибанских(тюменских) татар). Дальнейшая дифференциация этой общности на татар (пермских, уфимских, сибирских) и башкир была связана с административно-территориальными преобразованиями XVI-XVII вв., а также особенностями этнокультурного развития тюркского населения разных зон Приуральско-Западно-Сибирского ареалов.

Ключевые слова: этногенез, этническая история, угры, тюрки, татары, кимаки, золотоордынские татары, остяки/иштыки, башкиры, ногайцы, сибирские и пермские татары, Среднее и Южное Приуралье, Западная Сибирь (Зауралье).

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в русских источниках XVI – первых десятилетий XVII в. в Среднем (Пермском) Приуралье отмечаются «остяки», в ряде случаев наряду с «татарами», но весьма часто – отдельно (детальнее обзор источников об этой группе см.: (Исхаков, 1998; Исхаков, 1990-а, р. 386–391). Есть основания полагать, что в более ранний период эта общность, на тюркских языках именованная «иштэк/истэк/үштэк», была расселена шире – не только в Среднем и Южном Приуралье, но и в Зауралье (Исхаков, 2015-а, с. 44–51). Далеко не случайно, что, судя по родословной расселенных на западе Южного Приуралья башкир-юрматинцев, датируемой 1564/1565 г., но содержащей и информацию о событиях 1546/1547 г., не ногайская часть данного племени – а ее элита состояла из ногайцев – именуется «иштыками» (Башкирские шежере, 1960, с. 29). Следует обратить внимание и на то, что анонимный продолжатель «Чингизнаме» Утемиша-хаджи, скорее всего, писавший в начале XVII в., обсуждая генеалогию правителей Сибирского юрта линии Шибанидов, по отношению к владению хана Кучума применяет определение «Тау Буга йорты Ишдеге» («Иштык[и] юрта Тау (точнее, Тай) Буги») (Миргалеев, 2014, с. 65). Эти данные коррелируют с традицией именования в прошлом казахами, хивинскими узбеками и

ногайцами башкир, а также сибирских татар, иштыками (Кузеев, 1974, с. 172, 202–205, 444; Томилов, 1981, с. 21–22).

Разбирая вопрос об этих остяках/иштыках, прежде всего Приуралья, необходимо различать два его аспекта – этногенетический и связанный с этнической историей этой общности в более поздних хронологических рамках XV–XVII вв. Об этом приходится напоминать потому, что в зависимости от конкретной этнической ситуации иштыкская общность в Среднем Приуралье и прилегающих к нему более южных и восточных ареалах, в том числе в зауральских, в XVI–XVII вв. начала дифференцироваться на «татар» и «башкир», соответственно маркируясь в документальных материалах как две самостоятельные этнические группы, изначально тем не менее имея общие этнические истоки (Исхаков, 1986, с. 114–121). В результате даже сами потомки названных «остяков», уже «превратившихся», например, в Среднем Приуралье, в пермских татар, в XVIII в., обращаясь к документам XVII в., фиксирующим их земельные владения, вынуждены были прибегать к формулировкам типа: «...на отводных... предкам и дедам [землях]... за остяками, которые называются [сейчас] татарами»; население, ранее именованное как «остяки и татары, ... ныне называется татарами» (цитируется по: Исхаков, 1986, с. 115).

В итоге те исследователи, которые недостаточно четко различали отмеченные выше два разных аспекта проблемы изучения этнической принадлежности рассматриваемой общности, вынуждены были прибегнуть к самым причудливым ее оценкам – она выводилась от «вогулов» (манси), «остяков» (ханты), «татар» или «башкир». Причем высказывались мнения об ассимиляции «угров» двигавшимися с юга «башкирами», а затем последних – «татарами» (поволжскими и сибирскими). Если еще учесть, что в прошлом и сибирские татары, как было отмечено, именовались иштяками, а в роли «татар» Приуралья могли выступать и ногайцы (Исхаков, 1998, с. 122–123), картина этнической ситуации в Южном Приуралье позднего средневековья оказывается окончательно запутанной.

Чтобы вернуть ей определенность, далее мы вначале остановимся на вопросе об этногенезе иштяков, а лишь затем обратимся к весьма непростой проблеме этнической истории этой общности более позднего – золотоордынского и позднезолотоордынского времени.

Анализ существующей литературы показывает, что относительно этнических истоков приуральских иштяков в ней выдвинуты три гипотезы: об их угорском [Бадер, Оборин, 1958, с. 217, 261; Бахрушин. Т. 3. Ч. 1, 1955, с. 72–136; Бахрушин. Т. 3. Ч. 2, 1955, с. 86–152; Преображенский, 1956, с. 12; Вишневский, 1960, с. 255; Дмитриев А.А., 1890; Дмитриев А.А., 1900; Дмитриев, 1883, с. 20–41; Долгих, 1960, с. 22; История татар с древнейших времен. Т. II, 2006; История и культура сибирских татар, 2014; Исхаков, 1998; Исхаков, 2015-а, с. 44–51; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Исхаков, 1986, с. 114–121; Преображенский, 1956, с. 12; Теплоухов. Т.39, 1924, с. 81–112; ПСРЛ. Т. XI–XII, 1965), восточно-тюркском (Рамазанова, 1983, с. 137–154; Рамазанова, 1996] и тюрко-угорском (Исхаков, 1998; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Кузеев, 1973; Кузеев, 1974; Кузеев, 1992; Халиков, 1971-а, с. 33; Халиков, 1971-б; Халиков, 1978, с. 61, 91) происхождении. Но сторонники последней гипотезы в своих построениях исходят из разных оснований. Одни (это преимущественно А.Х. Халиков) отстаивали тезис о раннем (в VI–VII вв.) проникновении тюрков вплоть до р. Сылвы, т. е. в Среднее Приуралье. При этом ими не отрицается возможность присутствия в составе тюрков и угров. Кроме того, ими отмечается

булгарское влияние, в т. ч. и через их прямое проникновение в Среднее Приуралье уже в домонгольский период (об этом специально см. также Белавин, 2000; История и культура сибирских татар, 2014, с. 85–95). Другая группа исследователей (Р.Г. Кузеев, Д.М. Исхаков) подчеркивает необходимость большего учета роли кыпчакско-ногайских (золотоордынских) групп в становлении иштякской общности.

В принципе, различия в подходах разных групп исследователей к этногенезу иштяков сводятся к их разногласиям относительно роли угорских и тюркских групп в формировании этой общности, а также к определению значения в этногенетических процессах в Южном и Среднем Приуралье тюрков разных волн (раннетюркского или среднетюркского и последующего периодов), как известно, этнически различавшихся между собой. К этой проблеме в дальнейшем мы еще вернемся, но до этого необходимо разобраться с этнической ситуацией XVI – начала XVII в., без чего трудно интерпретировать более ранние материалы исторических источников относительно этнической принадлежности иштяков (остяков) Приуралья. Но тут следует отметить, что основной корпус источников, на основе которых разбирается рассматриваемая проблема, относится к Среднему Приуралью, а для более южных и восточных районов имеются лишь спорадические данные. Поэтому выводы авторов, чьи работы далее будут рассмотрены, имеют ограничения, что следует принимать во внимание при общей оценке этнической ситуации в Южном Приуралье и Зауралье в XV–XVI вв. и несколько позже. Но при привлечении дополнительных данных эта трудность, на наш взгляд, преодолима.

На основе интерпретации сведений русских письменных источников XVI – начала XVII в. исследователи предложили несколько трактовок относительно этнической принадлежности «остяков» Среднего Приуралья (преимущественно Тулвенского и Сылвенско-Иренского бассейнов) данного времени. Так, А.А. Дмитриев, например, полагал, что после покорения Казанского ханства или еще раньше на территорию Сылвенско-Иренского междуречья и в бассейн р. Тулвы из Среднего Поволжья переселились татары, которые на новом месте смешались с более ранним угорским населением, ассимилировав его еще в XVI в. Основным аргументом в пользу

такого подхода он считал сложность или даже «невозможность» по письменным источникам этого времени «различать» эти две «народности». Позже А.Б. Теплоухов поддержал вывод предыдущего исследователя, отметив «отатаренность» сылвенских «остяков» уже к началу XVII в. Такой вывод он делал как на основе «татарских» имен и фамилий «остяков», так и опираясь на наблюдение А.А. Дмитриева о трудности разделения «татар» и «остяков» Пермского края по материалам переписей начала XVII в. А.Б. Теплоухов отметил, что в начале XVII в. «татар» и «остяков» иногда путали, относя некоторых «и к тем, и к другим». Еще одним его важным наблюдением было то, что в некоторых районах Пермского края «остяки» в прошлом «обашкирились». Правда, он сделал оговорку, что «башкиры, по-видимому, не всегда отделялись от татар». В трудах С.В. Бахрушина вновь был поднят вопрос об этническом облике населения Сылвенско-Иренского междуречья и прилегающих территорий в XVI – начале XVII в. Он придерживался мнения, что под сылвенскими и иренскими «остяками» надо понимать манси. Появление к западу от Урала этнонима «остяк» объяснялось им так: «Племенам, ... известным раньше под именем Югры, с XVI в. присваивается татарское название «уштяк» или «остяк». Но, будучи крупным источниковедом, С.В. Бахрушин констатировал, что однозначному решению вопрос о приуральских «остяках» не поддается. Он писал, что «остяки» Пермского края могли быть не только уграми, но и татарами, а то и двигавшимися с юго-востока башкирами.

Несмотря на предостережение С.В. Бахрушина, в 1950–1960-х гг. в литературе появилось стремление считать «остяков» Пермского региона указанного времени сплошь уграми. Так, А.А. Преображенский предложил рассматривать это население для начала XVII в. как мансийское. К нему присоединился и Б.О. Долгих, повторивший более развернуто аргументацию С.В. Бахрушина. В частности, он заметил, что «под «остяками» имелись в виду, очевидно, те же угорязычные обитатели Урала, только названные не русско-зырянским термином «вогул», а татарским термином «остяк»». Однако Б.О. Долгих вынужден был признать, что в источниках XVI–XVII вв. под «остяками» или «татарами» в некоторых случаях могли скрываться башкиры или «отатарившиеся» (тюркизированные)

угры. Б.Н. Вишневский в целом также исходил из того, что «остяки» и «татары» Пермского края в XVI в. были уграми. Но он был склонен считать, что эти угорские группы на юге под воздействием казанских татар «отатарились», а на севере, в местах соприкосновения с русскими, «обрусели». Хронологические рамки ассимиляционных процессов он не уточнил. О.Н. Бадер и В.А. Оборин исходили из того, что носители сылвенской археологической культуры (угорской, по их мнению), с которыми они связывали пермских «остяков», стали в Пермском крае предками башкир и хантов, но в XVI–XVII вв. были ассимилированы пришлыми татарами и русскими. Позиция В.А. Оборина в уточненном виде выглядела следующим образом: «... Остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии». Далее он делал такой вывод: очевидно, «остяки русских источников – потомки древнеугорского населения, ассимилированного затем тюркоязычными башкирами, продвигавшимися с юга на север, и русскими». При этом оба эти исследователя не различали татар и башкир, поэтому неясно, кто же на самом деле в XVI–XVII вв. ассимилировал угров. Далее между «остяками» письменных источников и сылвенской археологической культурой отмечается значительный хронологический разрыв – эта культура хотя и датируется IX–XV вв., памятники ее, относящиеся уже к золотоордынскому времени, практически неизвестны. Поэтому источниковедческие трудности, возникающие при определении этнической принадлежности «остяков» Пермского края XVI–XVII вв., работами этих ученых не были преодолены.

Отсюда стремление отдельных исследователей обосновать возможность достаточно раннего проникновения башкир в Пермское Приуралье из более южных ареалов. В этом плане интересны данные о проживании «башкир» племени гайна в бассейне р. Тулва уже в период Казанского ханства (Кузеев, Юлдашбаев, 1957, с. 51; Кузеев, 1958, с. 16). Более того, высказывалось мнение о проникновении башкир в этот район с юго-запада Приуралья уже в XIII–XIV вв. (Кузеев, Шито-

ва, 1963, с. 19; Мажитов, 1977, с. 185). Но в других исследованиях было показано, что подобное заключение о продвижении всех гайнинцев на север с юга, по меньшей мере, проблематично. Так, башкирским фольклористом А.Н. Киреевым были проанализированы предания башкир-гайнинцев, в которых сообщается о появлении их предков в районе Тулвы «из снежных стран» (в некоторых вариантах они спускаются с неба), причем на священном олене [Киреев, Т. IV, 1971, с. 61]. Обобщая эти и некоторые другие материалы, А.Н. Киреев пришел к выводу, что собранные данные указывают на «прямую связь данного башкирского племени с древнейшими финно-угорскими племенами». В.И. Васильев и С.Н. Шитова отметили, что в рассмотренной легенде нашли отражение «следы старого оленьего культа, некогда зародившегося на юге Сибири» (Васильев, Шитова, 1982, с. 29).

В связи с тем, что при таких разногласиях однозначного понимания этнической принадлежности иштяков (остяков) Среднего Приуралья достичь не удается, следует обратиться к анализу данной проблемы еще двумя исследователями – Р.Г. Кузеевым и Н.А. Томиловым, первый из которых стремился ее рассматривать с точки зрения башкирского этногенеза, а второй – исходя из возможности достаточно раннего проникновения в Среднее Приуралье сибирских татар.

Р.Г. Кузеевым в составе северных групп башкир были выделены древнеугорские (тюрко-угорские), болгаро-угорские, древнесамодийские и кыпчакские компоненты (Кузеев, 1974, с. 216–217, 219, 242, 341, 346–347, 351; Кузеев, 1973). Проникновение северных башкир в Пермский край он датировал XIII–XIV вв., указав на их этническое взаимодействие с местным населением, определенным им как «мансийское». Согласно мнению этого автора, этническое взаимодействие башкир и местных угров (манси) к рубежу XVI–XVII вв. еще не было завершено (Кузеев, 1974, с. 488–489). Примечательно, что Р.Г. Кузеев, с одной стороны, подчеркивает ассимиляцию башкирами угорского (мансийского) населения, но с другой признает «татаризацию» в Среднем Приуралье самих башкир, причем достаточно рано – местами уже в XVII в. (Кузеев, 1974, с. 218, 337).

Н.А. Томилов высказал мнение, что в составе населения Сылвенско-Иренского междуречья в XVI – начале XVII в. кроме

угров – по его определению, также манси – находились и сибирские татары, продвинувшиеся туда из Сибирского ханства. Правда, этот исследователь колебался в точном обозначении этнической принадлежности «татар» и «остяков» рассматриваемого ареала, указав, что район бассейнов рр. Сылвы и Ирени был в прошлом контактной зоной поволжских и сибирских татар, а также башкир (Томилов, 1981, с. 30–33).

К похожему выводу, но на основании диалектологических данных, пришла и Д.Б. Рамазанова, ибо пласт «архаичных явлений», обнаруженных в пермском говоре татарского языка, был увязан ею с древними контактами с уйгурским, шорским, хакасским, алтайским языками. Однако она указывала, что эта связь проходит через некоторые говоры башкирского языка и диалекты сибирских татар (Рамазанова, 1996, с. 24). Причем этот «восточно-тюркский», как она считает, «иштякский» языковой и этнический компонент, является, общим для татар и башкир Среднего Приуралья, а также сибирских татар. Еще один татарский лингвист – Ф.Ю. Юсупов, изучавший свердловский говор татарского языка (разговорный язык части пермских татар и башкир), также пришел к выводу об участии сибирско-татарских диалектов в формировании данного говора (Юсупов, 1982, с. 69; Юсупов, 2003). В итоге в районе Среднего Приуралья средневекового времени явно появляется еще один этнический «игрок» – на этот раз в лице сибирских татар, как уже говорилось, в прошлом также маркируемых соседями как «иштяки». Но эти этнические связи, на самом деле, выходят и на зону Алтая, о чем дополнительно будет еще сказано далее.

На основе выявленных исследовательских подходов к трактовке проблемы этнической принадлежности приуральских – пока, по большей части, среднеприуральских – иштяков/остяков, попытаемся выработать более общий взгляд на эту общность. Анализ следует начать с выяснения территориальных рамок локализации изучаемой общности, что, кроме прочего, позволит подойти к решению довольно сложного вопроса о соотношении понятий «иштяки/остяки» и «башкиры» источников. В связи с тем, что ранее нам уже приходилось обсуждать эту тему (Исхаков, 1998; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Исхаков, 2016, с. 278–295), ограничимся основными выводами, к которым мы ранее пришли.

Многочисленные документы русского происхождения XVI – начала XVII в. позволяют установить проживание «остяков» и «татар» прежде всего в Пермском Приуралье (Чердынский уезд, затем Соликамский, Кунгурский и север Уфимского уездов) в бассейнах рек Тулвы, Сылвы и Ирени (обзор источников см.: (Исхаков Д.М., 1998, с. 114–120)). Но из «Памяти» за 1618 г., данному уфимскому переводчику Ф. Таганееву, видно, что территория расселения приуральских «остяков», которых почти всегда «сопровождали» татары, была шире, ибо в документе упоминаются еще «Уфимского уезду Аксьевы волости и Белоканские и Кусщымские и Балакчинские татары и остяки» (Исхаков, 1998, с. 120). Упомянутые тут северные группы позже были известны как «башкиры» и относились к родоплеменным образованиям *кушчи*, *балыкчи* и *бикатин* (другое название – «беляковцы» (Кузеев, 1974, с. 243–244)). «Аксьеву волость» привязать к конкретному родо-племенному подразделению не удалось, хотя, скорее всего, ее наименование образовано от «*Ак су*», возможно, обозначающем «*Ак Идель*» («Белую Волошку»/Белую) и объединяющем все три названных выше подразделения в какое-то более крупное этнотерриториальное (этнополитическое) подразделение. Сюда же следует добавить и группу *сызгы*, известную позже как башкирская волость, но в 1655 г., скорее всего, отнесенную к числу «остяков» (Шишонко, 1884, с. 336–347), что не было случайностью – как установил Р.Г. Кузеев, представители этой родоплеменной группы считали гайнинцев, т.е. тулвенских «остяков» (позже, башкир и татар), своими родственниками (Кузеев, 1974, с. 218). Наконец, к этому северному ареалу следует прибавить и некоторые группы из северо-запада Южного Приуралья. О группе *юрматы* выше речь уже шла. К ней можно было бы добавить и несколько других родо-племенных образований, начиная с XVII в. известных как «башкирцы», но ранее явно имевших иную этническую маркировку. Прежде всего в этом ряду следует назвать известную с начала XVII в. как башкирская волость группу *еней* – носители этого этнонима с конца XVI в. локализовывались в бассейне р. Иж и в низовьях р. Белой. Отметим, что, согласно этногенетическим легендам гайнинцев, *Эйна* приходился братом *Гэйнэ* (Исхаков Д.М., 1985, с. 36–65, с. 51), т. е. в данном случае моделируются

старинные этнические связи групп *гайна* и *еней*. В принципе наименование *еней* (янэй/жэнэй) является всего лишь вариантом этнонима *гайна*. В свое время Ю.Ф. Немет и Р.Г. Кузеев уже указывали на восхождение этнонима *еней* к древнененгерскому племенному названию *jeno* (Оборин, 1960, с. 28–38; Оборин, 1964, с. 130–135; Кузеев, 1974, с. 338–340), что является вполне обоснованным выводом, несмотря на то, что существуют и противники этой точки зрения (Mandokuy Kongur I, 1988, p. 43–48). Кроме того, в бассейне р. Тулвы в XVII в. существовала деревня под названием *Ермия* (*Эрэмэ*), чье наименование соответствует башкирскому этнониму *юрми*, также родоплеменному подразделению, локализованному на северо-западе Приуралья по соседству с группой *юрматы*. В связи с этнонимом *юрми* укажем, что по башкирским родословным родоначальник племени *юрми* – *Юрми би*, считался братом *Юрматы бия* (Кузеев, 1974, с. 120), чье имя является эпонимом, отражающим наименование группы *юрматы*. Последний же этноним, как считается, связан с древнененгерским племенным названием *gyrmat* (Кузеев, 1974, с. 122). Поэтому, хотя группа *юрми* известна и среди болгар (Кузеев, 1974, с. 242), она изначально, скорее всего, происходила из угорской среды. Встречающийся в разных местах Пермского края в XVII–XVIII вв. этноним *терсяк*, являющийся наименованием родо-племенного подразделения, чьи представители в источниках определяются то как «башкиры», то как «татары», вероятно, восходит к названию волости «*Терся*», в 1602–1603 гг. отмеченной и в составе Казанского уезда в бассейне р. Иж. Она состояла из «ясачных чувашей и бобылей», считавших себя «*потомками черемисов*» (*чирмеш нэселеннэн*) (Исхаков, 1990-б, с. 17), что, скорее всего, в данном контексте свидетельствует об угорских корнях этих *терсяков* (Кузеев, 1974, с. 241–242).

Таким образом, в Среднем Приуралье и в северо-западном ареале Южного Приуралья вырисовывается обширный регион, в позднее средневековье занятый общностью иштяков/остяков, практически уже везде соседствовавшей с «татарами», можно сказать, «пронизанной» ими. То, что этническая ситуация XV–XVI вв. в этом ареале была далеко не однородной, видно и из одного высказывания русских летописей, относящегося к 1469 г. и повествующего о сборе войск казанским

ханом Ибрагимом: «... допозна собрался царь (хан Ибрагим – *Д.И.*) ... со всею землею своею, Камскою и Сыплинскою и с *Костяцкою* (выделено нами – *Д.И.*) и з Беловолжскою и Вотяцкою и Бакшарскою» (ПСРЛ. Т. XI–XII, 1965, с. 122). Как видим, в данном случае при перечислении территорий, входивших в состав Казанского ханства, рядом с «Беловолжским» ареалом, т. е., скорее всего, низовьями «Белой Волошки» / Белой – Ак Идели, и «Вотяцким» ареалом (Арская даруга Казанского ханства), упоминается зона, названная «Костяцкою», при этом ареал расселения «башкир» («Бакшарская / Башкирская» территория) выделен отдельно. Заметим, что недавно А.В. Аксановым, принявшем в целом нашу интерпретацию фигурирующих в данном источнике территориальных делений восточной зоны Казанского ханства, было предложено видеть в термине «Циплинская» понятие «Цилвинская», т. е. Сылвенская (Аксанов, 2016, с. 229), что позволяет в общую связку перечисляемых в летописи «улусов» ввести и территорию бассейна р. Сылвы, а это важно для обсуждаемой тут проблемы «остяков». Это обстоятельство, наряду с иными материалами (о них более подробно см.: (Исхаков, 1998, с. 118–121, 161–162)), не позволяет согласиться с теми исследователями, которые предлагали в позднесредневековых иштяках (остяках) Приуралья видеть собственно башкир.

Вот конкретные данные, подтверждающие сказанное. Согласно ногайским делам, в 1578 г. ногайцы «приходили ... в Казанский уезд в *остяки* (выделено нами – *Д.И.*) на верх Камы воевать». Далее это же событие в источнике описывается так: «... по реке Каме на башкирцы и на *остяки* Казанского уезда [приходили ногайцы] ... и башкирцы и *остяки*, собрався, иных побили» (Трепавлов, 1997, с. 11). Из послания ногайского бия Уруса царю Федору Ивановичу за 1586 г. также видно, что «башкирцы» и «остяки» выступают как этнически разные группы (Пекарский, 1872, с. 8). В итоге, несмотря на то, что в документах 1560–1580-х годов обнаруживаются и случаи, когда понятия «остяк» и «башкир» выступают как синонимы, полного их отождествления не наблюдается. Не случайно В.В. Трепавлов, опираясь на приведенные выше сведения 1578 г., выдвинул гипотезу о том, что «средневековые башкиры» состояли из двух этнических групп – западной (точнее, северо-западной), называвшейся «иштяками», и восточной

(юго-восточной), именовавшейся «башкирами». По мнению этого исследователя, эти две общности противостояли присутствовавшим в Южном Приуралье как серьезная политическая сила ногайцам, не смешиваясь с ними (Трепавлов, 1997).

В результате В.В. Трепавлов оказался оппонентом Р.Г. Кузеева, высказавшего в свое время тезис о том, что иштяками первоначально именовались всего «несколько башкирских племен и родов», но в XVII–XVIII вв. вначале так стали называть «восточных башкир», а затем и всех остальных. Параллельно этот исследователь утверждал, что «нет никаких данных, которые бы позволили считать термин «иштяк» древним самоназванием хотя бы части башкир» (Кузеев, 1963, с. 243–244; Кузеев, 1974, с. 203–209). Однако, если бы дело обстояло таким образом, мы вряд ли имели бы в русских летописях, описывающих этнополитическую ситуацию в Южном Приуралье второй половины XV в., уже отмечавшееся этнотерриториальное образование, маркированное как «Костяцкое» (явно от понятия «остяк»), как и последующие обозначения целой группы родоплеменных подразделений, локализованных на северо-западе Южного Приуралья и в Пермском Приуралье, как «остяки». К тому же Р.Г. Кузеев никак не объяснил причину распространения термина «иштяк» лишь в XVII–XVIII вв., причем достаточно странным образом – с востока на запад Южного Приуралья. Им также не был дан ответ на следующий, напрашивающийся вопрос: если наименование «иштяк» не являлось эндоэтнонимом определенной этнической группы, то каким образом оно стало понятием, применявшимся в прошлом казахами, узбеками и ногайцами по отношению к территориально близким башкирам и сибирским татарам?

Очевидно, что с учетом всего сказанного, более обоснованным представляется вывод о том, что в северо-западной и северной зонах Южного Приуралья и в Среднем Приуралье в средневековье расселялась особая этническая общность, именовавшаяся в русских источниках как «остяки» (в источниках ногайского происхождения – как «иштяки»). Одной из важных этнокультурных особенностей этой группы была, как уже установлено, ее неполная исламизированность даже к 1570-м годам (об этом см.: (Исхаков, 2004, с. 223–233)), что сближало приуральских иштяков с сибир-

скими татарами XVI в. Такая этнокультурная специфика данных двух этнических общностей, именованных «иштяками», при детальном анализе представляется вовсе не случайной.

В частности, в одной генеалогической таблице, озаглавленной как «Шеджере башкирских племен» и найденной в той же тетради, что и родословные племен *юрматы* и *айле*, после имени Мораддина (похоже, подразумевается сын Идегея Нураддин) идет имя его сына Кинжи (его братом выступает *Юрматы*), а в числе сыновей Кинжи числится *Иштяк*, а вот среди сыновей Иштяка названы *Бикатун* (старший его сын – *Айле*) и *Юрми* (Башкирские шежере, 1960, с. 173–174). Если учесть, что башкирскому этнониму *айле* соответствует сибирско-татарский этноним аялы (крупное родо-племенное подразделение сибирских татар в XVI–XVII вв. (Миллер, 1999, с. 352)), а эпонимы Иштяк, Бикатун и Юрми у сибирских татар сохранились в виде топонимов (*Иштэк*, *Пигэтен*, *Юрмы*) (Тумашева, 1987, с. 38–51)), возникает проблема учета роли сибирско-татарского, в том числе – угорского когда-то населения, в формировании этнической общности приуральских иштяков.

В плане выявления влияния средневекового населения Западной Сибири на приуральские этнические группы следует отметить некоторые новые сюжеты, на которые до сих пор в исторической литературе внимания практически не обращалось. При этом можно будет объяснить и причину присутствия в позднесредневековых источниках, имеющих отношение к Приуралью, наряду с «остяками» и «татар», являвшихся, как мы полагаем, в одних случаях ногайцами, а в других – тюрко-татарскими группами, изначально связанными с владениями Шибанидов, начиная со времени формирования Улуса Джучи игравшими важную роль не только в Западной Сибири, но и в Приуралье, в том числе и на его западе (см. по этой проблеме: (Исхаков, 2013, с. 128–145; История и культура Западной Сибири, 2015, с. 151, 195–205). Следует заметить, что если учитывать обширность этнополитических связей ногайцев и Шибанидов в XV–XVI вв., на самом деле нет принципиальных различий между населением Ногайской Орды и родо-племенными группами, находившимися в составе владений Шибанидов (государстве кочевых узбеков, Тюменском и

Сибирском ханствах) – в обоих случаях речь в целом идет о средневековых татарах, т. е. о населении, имевшем золотоордынские этнические истоки (подробнее см.: (Исхаков, 2006; Исхаков, 2009; Исхаков, 2013)).

Так как вопрос о ногайском присутствии в Приуралье уже привлекал внимание исследователей (Кузеев, 1974; Трепавлов, 1997; Исхаков, 1998; История башкирского народа, Т. II, 2012, с. 199), мы можем ограничиться в данном случае только одним из его аспектов, а именно выяснением роли ногайцев в этническом становлении тюркского населения интересующей нас зоны. Дело в том, что начиная с Р.Г. Кузеева существует мнение (Кузеев, 1974, с. 487; Кузеев, 1992, с. 103–107), что ногайский компонент являлся последним, но «незначительным» слагаемым «башкирской народности на самых поздних ... стадиях башкирского этногенеза». При этом данный исследователь полагал, что ногайскими включениями в состав башкир следует считать только те группы, которые имеют определение «ногай» (ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзьян и т.д.), а многие другие, общие для ногайцев и башкир этнонимические параллели, объявлялись им результатом «общности мощного кыпчакского компонента в формировании обоих народов» (Кузеев, 1978, с. 55). Думается, что эти утверждения нуждаются в пересмотре, ибо они не учитывают того, что понятие «ногай» в позднем средневековье являлось еще не столько этнонимом, сколько политономом, и сами «ногайские татары» состояли из множества племен (основных насчитывалось от 12 до 14 (Исхаков, 1998, с. 156) или 18 (Кочакаев, 1988, с. 126), а со вторичными подразделениями их число доходило до 140 (Трепавлов, 2001, с. 490)), имевших разные этнические истоки, но оказавшихся в позднезолотоордынское время в политических рамках Ногайской Орды, в свою очередь, однако, имевшей весьма тесные политические контакты с государствами Шибанидов, население которых во многом состояло из тех же родо-племенных подразделений, что и ногайские татары.

В целом вопрос о ногайском включении в состав населения Приуралья можно решить на основе анализа родо-племенного состава башкир и приуральских татар (но у последних эти деления сохранились намного меньше) в XVI–XVIII вв. в сравнении с ногайцами. Такая работа, проведенная нами

ранее (Исхаков, 1998, с. 153–174), позволяет утверждать, что за исключением «иштякских» групп и родо-племенных подразделений, являвшихся в составе ногаев этническим наследием собственно монгольского, раннеджучидского времени и эпохи Шибанидов (мангыт, конгурат, кыйат, найман и др.), на этапе позднего средневековья в Южном Приуралье, в первую очередь, в его северо-западной зоне, «башкир» и «ногаев» друг от друга отделить практически невозможно, ибо родо-племенные подразделения, характерные тут в XVII–XVIII вв., в большинстве случаев обнаруживаются и у ногайцев, иногда, правда, по косвенным данным (о последних см.: Исхаков, 1998, с. 154–158)). Следовательно, пока ногаи находились в Южном Приуралье – а их окончательный уход оттуда под давлением калмыков произошел лишь в 1630-х годах – вряд ли можно предположить, что эта политически доминировавшая тогда в данном регионе этнополитическая общность могла причислять себя к «башкирам» или «иштякам». Действительно, исследователи, оценивавшие ситуацию этой эпохи в Приуралье, пришли к выводу, что «башкиры» и «иштяки» не смешивались в источниках с «ногаями», выступая как «противостоящие друг другу ... уже сформировавшиеся этнические общности» (Трепавлов, 1997, с. 11). Отсюда следует, что «башкиризация» ногайских родо-племенных образований, оставшихся в Приуралье, произошла достаточно поздно, о чем мы можем узнать и из некоторых башкирских источников. В частности, из родословной юрматынцев (XVI в.) явствует, что после ухода ногайцев из бассейна р. Белой «на Кубань» те из ногайской знати, которые решили остаться среди «иштяков» (т. е. ясачного населения из юрматынцев), лишь впоследствии стали называться «иштяками» («*иштэк аталдылар*») (Башкирские шежере, 1960, с. 29).

Однако средневековое «татарское» население Приуралья состояло отнюдь не только из ногайцев, о чем свидетельствуют многие данные, краткий обзор которых ниже будет приведен. Прежде всего следует сосредоточиться на материалах, касающихся Среднего (Пермского) Приуралья, так как они позволяют протянуть связующую нить и с населением более южных ареалов Приуралья, по которым сохранившиеся данные не столь представительны.

Начнем с территории бассейна р. Тулвы, где местное население, как отмечалось, состояло из гайнинцев, в XVI в. именовавшихся «остяками», в XVII в. – «татарами» и «башкирами». Так вот, именно среди потомков этого населения в XVIII в. было записано предание о том, что «... в XIII столетии предки их *тата-ры, пришедшие из Азии* (выделено нами – Д.И.), поселились около Волги и Камы, а затем покорили и живших по р. Чудской» (видимо, Чусовой – Д.И.) (цитируется по: Исхаков, 1998, с. 122)). Генеалогия знатной части этой группы, известная по разным документам, позволяет расшифровать формулировку о «татарах, пришедших из Азии». Дело в том, что предки этих князей выводятся «из Булгара», откуда они ушли во время его взятия Тимуром. Приведенные в документе клановые атрибуты этой группы (о них см.: Әхмәтжанов, 2000, с. 98; Исхаков, 2012, с. 48)) полностью совпадают (за исключением тамги) с таковыми же одного из племенных вождей – Буркут-бия из «Дафтар-и Чингиз-наме» (Исхаков, 1998, с. 45), чье имя является эпонимом, за которым скрывается клан буркут. Показательно, что с Буркут (*Бөркет*)-бия начинается еще одно родословное, записанное среди татар Бирского уезда Уфимской губернии, живших несколько южнее гайнинцев. В этой родословной сообщается о проживании Буркут-бия во времена Чингизхана, приводятся клановые атрибуты, совпадающие с отмеченными выше, а также, что весьма важно, позволяющие связать этих татар не только со знатными гайнинцами, но и с татарско-остяцким населением бассейнов Сылвы и Ирени (Исхаков, 1998, с. 123). Еще в одной родословной, найденной в смежном ареале, упоминается Тарагай-би сын Буркут-бия, «прибывший» в бассейн р. Агидель «из Крыма». Наконец, эти же лица фигурируют среди предков башкир из клана канглы с указанием, что они «прибыли с берегов Черного моря, из Крыма» (Исхаков, 1998, с. 123).

Так как приведенные материалы носят системный характер, появляется возможность увязать их с эпохой монгольского завоевания Волго-Уральского региона, в ходе которого, как сейчас установлено (Исхаков, 2009-а, с. 25), у Шибана, участвовавшего также в покорении Крыма, в составе его сорокатысячного войска находилось и одно десяти тысячное подразделение, состоявшее из буркутов во главе с Тайбугой (полагаем, что это – осно-

ватель рода сибирских князей – Тайбугидов). Если учесть, что на родовых землях пермских «остяков» и «татар» протекала р. Кунгур / Камгур, а этноним *кунгур* был известен среди ногайцев (Исхаков, 1998, с. 123), кроме того, Кунгур-би из клана *кушчи* фиксируется среди «самых приближенных» лиц Шибанида Абул-Хайр-хана, основателя Шибанидского ханства (=государства кочевых узбеков) (Исхаков, 2006, с. 29, 55), появляется также возможность увязать «татар и остяков» из группы *кушчи* в XVII в. с шибанидскими татарами. Наконец, нам известно о проникновении значительной группы сибирских татар – табынцев из Западной Сибири в Пермское Приуралье (с берегов Иртыша к р. Миасс, затем оттуда по Чусовой в Пермский край и южнее) в последней четверти XV в. Важно, что предок этой группы – Майкы-би, лицо историческое. Бывший *уйшуном* по клановой принадлежности, он в генеалогии имеет предшественника, названного «Тәмән-би» (Исхаков, 2006, с. 39–42), чье имя, скорее всего, является эпонимом. Хотя впоследствии эта группа расселилась достаточно широко, в т. ч. и западнее пермской зоны, оставшаяся их часть на Урале – башкиры из подразделения *дуван*, утверждали, что их предки прибыли не только с «Иртыша», но и «Алтая» (Кузеев, 1974, с. 213). В краеведческих материалах, посвященных пермским татарам Сылвенско-Иренского бассейна, это переселение не только подтверждается (оно связывается «центральной» поселением кунгурских татар – д. Карево / *Каржсау*, бывшим ядром «Карьевского улуса»), но и содержит указание на то, что это население вышло из мест проживания знакомой нам группы *дуван* и *ногайцев* (Шигапов, 2017, с. 77–88)).

Последнее же позволяет предположить, что эпоним «Тәмән» отражает наименование крупного родо-племенного подразделения, действительно проживавшего в эпоху Джучи на Алтае, – это клан *тумат* / *тама* / *тамийан* (аргументацию на этот счет см.: (Исхаков, 2015-б, с. 122–157)), воины из состава которого составляли еще одну тьму в войсках Шибана (Исхаков, 2013, с. 25). Весьма показательно, что Г. Чокрый, оставивший письменную версию родословной клана *кара-табын* (части племени *табын*), о своих предках пишет, что они происходили «от эрми и чермишей», т. е., судя по этнонимам, не совсем тюрков, у которых «не было [видно] религии» (имеется в

виду ислам – Д.И.) (цитируется по: (Исхаков, 2006, с. 42)). Этот факт как раз свидетельствует о том, что Южное и Среднее Приуралье еще в XV в. оставалось местом «притяжения» для тюрко-угорских групп из Западной Сибири, в том числе и потому, что эта зона тогда в значительной мере являлась территорией, подконтрольной Шибанидам.

С учетом сказанного можно понять, откуда на самом деле алтайско-сибирский «след» в приуральских говорах пермских татар и башкир. Тем более, что такие группы, как буркут (баргут), *тума* / *тумат*, *кошчи*, а также *таз*, *найман*, о которых скажем ниже, первоначально жили на Алтае, скорее всего, будучи после завоевания в начале XIII в. присоединены к улусу Шибана (Исхаков, 2015-б, с. 122–157). Группа же *таз* известна среди пермских татар и их южных соседей (Исхаков, 1998, с. 127, 137–138), а группа *найман* – среди сибирских татар (История и культура татар Западной Сибири, 2015, с. 151–152). Но в одно время найманы жили как в Крыму, так и, возможно, в Поволжье.

В реальности группа, проникшая в Приуралье и Зауралье в составе «народа» ранних Джучидов, была значительно больше. Но, ряд крупных родо-племенных образований, которых Р.Г. Кузеев относил к кыпчакам (катайская, табынская и минская группы (Кузеев, 1974, с. 465)), к ним, по нашему мнению, не имеют отношения, являясь выходцами XIII в. из районов Алтая и прилегающих территорий (Исхаков, 2015-б, с. 122–157), что заметили и некоторые другие исследователи (обзор археологических данных на этот счет см.: (Антонов, 2012, с. 97–99)).

Еще одним слагаемым золотоордынских татар в Приуралье являлись кыпчаки, точнее, восточные, так называемые «дикие» половцы, бывшие на самом деле по этнической принадлежности кимаками (йемеки). В связи с тем, что Р.Г. Кузеев приложил массу усилий для выявления в составе башкир этого, по его терминологии – «кыпчакского» компонента (он кимаков отдельно не выделял) (Кузеев, 1973; Кузеев, 1974; Кузеев, 1978; Кузеев, 1992), мы коснемся только одной из сторон этой весьма непростой проблемы, связанной с тем, что элита кимаков состояла из татар, о чем в литературе все еще написано недостаточно (более подробно см.: (Кумекоев, 1972; Башкирские шежере, 1960; Ахинжанов, 1989;

Исхаков, 2015-в, с. 238–240; Исхаков, 2018-а)).

Начать следует с одного высказывания Шибанида Абул-Гази Бахадур-хана (1603–1664), который в труде «Шеджере-и тараки-мэ» («Родословная туркмен») при рассмотрении вопроса о взятии зимой 1220–1221 гг. столицы государств хорезмшахов г. Ургенча монголами, замечает, что оттуда Джучи «с приданными ему нукерами ... пошел (дело могло происходить на самом деле и позже, например, в 1225 г. – Д.И.) в Дешт-и Кыпчак», где «кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь (т. е. в XVII в. – Д.И.) является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, с. 44). Поскольку в этом сочинении описываются события, случившиеся до основного западного похода монголов, начавшегося в 1235 г., речь тут, скорее всего, идет о кимаках и это высказывание заслуживает внимания, ибо в некоторых русских летописях также есть сообщение о том, что в 1229/1230 г. «Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татараы» (ПСРЛ. Т.1, 1962, с. 453). Тут речь явно идет о приуральской зоне, близкой к р. Яику, ибо из контекста этого известия ясно, что столкновения наступающих монгольских войск с кыпчаками (кимаками) и сторожевыми булгарами, находившимися в районе р. Яик, произошли тогда на левом берегу Волги, точнее, где-то вблизи Яика. Поэтому бегство кимаков, уже успевших испытать тяжесть боевых действий с наступающими монгольскими войсками еще в 1219–1221 гг., на земли «иштяков», т. е., скорее всего, в Приуралье, представляется вполне возможным (как и уход их к границам знакомой им Волжской Булгарии). На самом деле есть и другие материалы, подтверждающие сказанное.

В частности, благодаря исследованиям Р.Г. Кузеева в составе башкирской этнонимии был выделен ее кыпчакский пласт, отражающий названия башкирских родо-племенных подразделений XVII–XIX вв. Применительно к «собственно кыпчакским» (термин Р.Г. Кузеева, который подразделял указанный выше пласт этнонимов еще на ряд групп) родо-племенным названиям этот исследователь оперирует следующими терминами: *кыпчак* (*кыпсак*), *канлы*, *сары/сарыш*, *елан*, *байулы*,

гэрэ/гэрэй, *кошсы*, *кыргыз* и некоторые другие (Кузеев, 1978). В данном случае с Р.Г. Кузеевым можно согласиться лишь частично, ибо этнонимы *гэрэ* (от киреит / гиреит), *кошсы* и *кыргыз* следует отнести к тюркской этнонимии зоны Алтая, а родо-племенные подразделения, которые скрываются за этими наименованиями, к тем подразделениям, которые оказались в начале XIII в. у Джучи, впоследствии – у его наследников, прежде всего у Шибанидов (Исхаков, 2015-б, с. 122–157).

Таким образом, остаются подразделения кыпчак, канлы (от канглы), сары/сарыш, елан и байулы. К ним, однако, можно добавить и некоторые другие этнонимы, в том числе и те, что Р.Г. Кузеевым неправомерно были отнесены к иным, не кыпчакским пластам башкирской этнонимии. В частности, наименование группы *уран* он указал в составе древнебашкирской этнонимии, что противоречит источникам – клан *уран* (оран / уранийцы) находился в составе кимаков, причем являлся там весьма знатным (Исхаков, 2015-б, с. 122–157; Ахинжанов, 1989, с. 225–234). Далее, когда этот же исследователь в названный им «древнебашкирским» пласт этнонимов включал и название племени *байлар* (Кузеев, 1978, с. 193), он явно ошибался, ибо указанный выше кыпчакский этноним *байулы* (*бай+улы*) при присутствии в одном из документов начала XVII в. формулировки «Тышкы-Еланской волости байларских деревень» (Исхаков, 1985, с. 47), недвусмысленно взаимоувязывающий родо-племенные подразделения *елан* и *байлар*, скорее свидетельствуют в пользу того, что группа байлар – это кыпчакское образование. Это так и потому, что у восточных кыпчаков (кимаков, канглы) известно крупное племенное объединение *байаут* (Ахинжанов, 1989, с. 225–234), чье наименование является монголизированной формой этнонима *бай*.

Если принять к сведению, что этноним «кыпчак» – это обобщающий термин, который в качестве кланового наименования мог начать применяться лишь после монгольских завоеваний XIII в., в ходе которых собственно кыпчакские племена были уничтожены, у их наследников-башкир из «кыпчаков» следует поискать следы старых делений, которые могли бы вывести нас к кимакам. Действительно, в составе башкирского клана кыпчак Р.Г. Кузеев отмечает такие подразделения, как *бушман*, *кара-кыпчак* и *сары-кыпчак* (Кузеев, 1974, с. 114). В первом из этих этнонимов узнается

имя знаменитого предводителя клана *албары* / *алпарлы* (илбари) Бачмана (убит в низовьях р. Волги в XIII в.) (Исхаков, 1998, с. 36–37). (Детальнее об этом клане см.: (Исхаков, 2018-а)). Эта историческая личность фигурирует и в дастане «Туляк и Сусылу», как и его личный клан *алпарлы* (Исхаков, 2011, с. 119–127). Такие этнонимы, как «кара-кыпчак», отмечающийся в рукописи, связанной с сибирскими татарами (Исхаков, 2006, с. 24–25), и «сары-кыпчак» (отсюда – *шары* / *сары*), имеющий прямое отношение к игравшим важную роль в среде кимаков уйгурам (*сары* / *сарыг* – *уйгуры*), также указывают на кимаков. Да и наименования «елан» и «уран», обозначающие в тюркских языках змею, скорее всего, надо рассматривать как соответствующие кыпчакскому этнониму «кай», на монгольском обозначающем то же самое и хорошо известном среди кыпчаков (Ахинжанов, 1989). В этой связи заметим, что в татарском историческом сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме», хотя и источнике позднем (XVII в.), но содержащем более ранние сведения, есть сообщение о некоем «народе барадж» (*бараж халкы*), обитавшем в бассейне р. Зая в «эпоху алпов» и связанном со «змей-драконом» (Дэфтэре Чынгыз-намэ, 2000, с. 29), в котором, возможно, также надо видеть тот же «змеиный» народ (см. обоснование: (Исхаков, 2018-б, с. 25–28)).

В итоге на северо-западе Южного Приуралья вырисовывается значительная группа восточно-кыпчакских – кимацких в своей основе, кланов (канглы относятся к ним же), на что следует обратить внимание потому, что именно у кимаков их элитная часть восходила к древним татарам, перед монгольским завоеванием явно сохранявшим татарскую идентичность (Исхаков, 2015-б, с. 122–157; Исхаков, 2018-а), что позволяет видеть в потомках кимаков часть средневековых (золотоордынских) татар. Эта группа фактически усилила тюрко-татарские кланы, находившиеся ранее во владении у Джучи (это, например, найманы, меркиты, онгуты, возможно, киреиты).

То, что кимаки с татарской верхушкой, бывшие до того уже серьезной силой в государстве Хорезмшахов, частично влились в состав приуральского населения, можно обнаружить и по некоторым косвенным сведениям. Скажем, из письма брата Иоганки Венгра из ордена миноритов, около 1314 г. добравшегося до «Баскардии», где, по его словам, тогда жил «большой народ, подчиненный татарам»,

мы узнаем, что «судьи баскардов» из татар тогда исповедовали несторианство, а вот «государь всей Баскардии» и «большая часть его семьи» оказались «совершенно заражены сарицинским заблуждением», т. е. являлись мусульманами. Кроме того, там же находились и «сарацинские ученые» (цитируется по: (Антонов, 2012, с. 286). Так как в этот период исламизация Золотой Орды еще только набирала силу, появление мусульман среди политического руководства «Баскардии» в данном случае необходимо рассматривать в первую очередь как влияние переселившихся в Приуралье кимаков, которые были во многом исламизированы в результате тесных контактов с государством Хорезмшахов еще в домонгольское время. В данном контексте также следует заметить, что начиная с письма брата Юлиана, поехавшего на восток в поисках исходной родины венгров и оказавшегося в «Великой Булгарии» перед монгольским вторжением, где он и узнал о существовании «Ungaria Magna / Великой Венгрии» (Антонов, 2012, с. 260–265), в европейской исторической традиции, заложенной Плано Карпини (1245–1247) и Гильомом де Рубруком (1253–1255), земля «Баскарт» или «Паскатири», соприкасающаяся «с запада» с «Великой Булгарией», обозначает «Ungaria Magna / Великую Венгрию», население которой имело, хотя бы частично, тот же язык, что и венгры (Антонов, 2012, с. 270–272). Но уже Рубрук сообщает, что население «земли Паскатири» (читай – «Великой Венгрии» – *Д.И.*) после покорения «татарами» было затем по неизвестной причине еще подчинено («покорено») «соседними Булгарами и сарацинами», после чего «многие из них стали сарацинами» (Антонов, 2012, с. 272). В данном случае упоминающиеся тут «сарацины» это, скорее всего, исповедовавшие ислам кимаки, отличавшиеся от «булгар».

Именно при таком понимании складывающейся в XIII – начале XIV в. этнокультурной ситуации в Южном Приуралье можно понять появление в начале XIV в. мусульман и среди политической верхушки из «татар», правивших тогда «Баскардией». Весьма вероятно, что этот «государь» был из Шибанидов (другую точку зрения см.: (Антонов, 2012, с. 197–198)), на что может намекать информация Иоганки Венгра, отмечающего приход «к христианскому (несторианскому – *Д.И.*) судье баскардов» из татар некоего «судьи из страны Сибири» (Антонов, 2012, с. 286–287).

Кстати, первый из этих «судей» мог быть как раз из клана киреит, принявшего христианство несторианского толка еще в 1009 г., или из круга близких к этому племени, кланов. Думается, что этот пассаж свидетельствует о существовании каких-то постоянных контактов между населением Приуралья и Западной Сибири, что является, скорее всего, отражением их вхождения в состав владения именно Шибанидов, а также родственности населения двух этих зон (Исхаков, 2013, с. 128–145; Исхаков, Тычинских, 2013).

Таким образом, при признании существования в средневековье в обширной зоне Южного Приуралья исторической территории «Баскардия» (вар.: Баскарт / Паскатири), которую, однако, параллельно именовали, во всяком случае, в XIII в., и «Великой (Старшей) Венгрией», ибо в тюркских языках б//м, в результате чего возникает форма «Маджгардия» (из-за башкир // маджар), что в тюркологии общепризнано, возникает задача объяснения этнических реалий, стоявших за этими маркерами.

Р.Г. Кузеев в свое время сформулировал гипотезу о том, что за термином «Баскардия» скрываются те группы собственно башкирских племен (это кланы бурзян, усерган или муйтен, тангаур, тамьян, последние, правда, под вопросом и ряд др.) (Кузеев, 1974, с. 425–441), у которых действительно прослеживается устойчивое бытование эндоэтнонима «башкорт» (Исхаков, 1998, с. 162–163). На самом деле к этим «древним» башкирам позже добавились и некоторые другие, уже золотоордынские – татарские кланы (минг, катай, кыпчак, кубеляк), впоследствии традиционно числившиеся «настоящими» башкирскими «родами» (Назаров, 1908, с. 164–192, с. 170), что явно отражает процесс постепенного этногенеза средневековых башкир в юго-восточной зоне Приуралья. Но северо-запад Приуралья, по отношению к которому, скорее всего, больше и применялся термин «Ungaria Magna / Великая Венгрия» (Антонов, 2012, с. 115–130), продолжал населяться «иштяками», постепенно, правда, входившими во взаимодействие с болгарскими и кимакско-татарскими (золотоордынскими) группами, выступавшими в Среднем и Южном Приуралье и в смежных зонах Зауралья по большей части как «татары» разных этнополитических ипостасей («казанские», «шибанские»,

«тюменские», «сибирские», «ногайские» татары).

Как показывают источники, в северной зоне Приуралья (исторический «Костяцкий» ареал XV–XVI вв.) с примыкавшей к нему зоной Восточного Закамья, процесс этнического взаимодействия прямых наследников золотоордынских «татар» с «иштяками» еще не был завершен даже к началу XVII в. Скорее всего, похожая ситуация была и в Зауралье. Например в некоторых документах, опубликованных в свое время Г.Ф. Миллером и относящихся к началу – первой трети XVII в., в ряде будущих уральских и зауральских «башкирских» волостей (кланы *табын*, *катай*, *салджигут*, *айле*, *терсяк*, *сынрян*) отмечены «татары» и «башкиры», иногда маркируемые просто как «татары» (Исхаков, 2015-а, с. 46), что весьма напоминает ту этническую картину, которая в синхронных документах прослеживается применительно к Среднему Приуралью (более подробно об этнической ситуации в Зауралье, см.: (Маслюженко, Самигулов, 2017, с. 363–390)).

Культурологические и лингвистические материалы подтверждают сказанное. Так, на основе картографирования элементов традиционной культуры башкир в Приуралье, С.И. Руденко удалось выделить «северо-западную [культурную] область» (Руденко, 1925), достаточно точно совпадающую с зоной расселения средневековых «иштяков». А выдающийся тюрколог А.Н. Самойлович, в 1920-х годах занимавшийся этнолингвистическими исследованиями, показал, что именно башкиры этой зоны (пермские, по его терминалогии), относятся в рамках обширного «окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района» к более древнему историческому «слою», который он связал с «чувашско-башкирско (имеются в виду только северо-западные или пермские башкиры) – мишарско-финскими» этническими группами, которым противостоял второй, собственно «татарский» (сейчас бы мы сказали – «золотоордынский») этнолингвистический слой (куда включаются и юго-восточные башкиры), обнаруживающий также связь с «оседло-туркестанским регионом» (Самойлович, 1923, с. 63).

Одной из особенностей иштяков северо-западного Приуралья, соответствовавших чияликской археологической культуре XI–XIV вв. низовьев рек Белой и Ика, где до

конца XIV в. сохранялись следы язычества (Казаков, 1978, с. 97–98), а также родственной сылвенской археологической культуре Пермского Приуралья (Бадер, Оборин, 1958, с. 177, 216–217), чьи наследники до XVI в. тоже сохраняли следы язычества, была их тесная связь с булгарами, включавшими изначально значительный угорский компонент, но затем постоянно подпитывавшихся также за счет переселенцев в Волжскую Булгарию из угорской среды Приуралья [История татар с древнейших времен, Т. II, 2006, с. 137, 416, 629–630]. Однако было и обратное движение булгар в среду приуральских угров (Белавин, 2000, с. 132–136; История татар с древнейших времен, Т. II, 2006, с. 399, 407), что в конечном счете и способствовало этническому сближению булгар с приуральскими иштяками. По мере «превращения» потомков волжских булгар в золотоордынский период в «татар», сходный этнический процесс мог охватить и приуральских иштяков, на переходной стадии еще выступавших как двуединое, «остяцко-татарское» население (рубеж XVI–XVII вв.), затем, однако, в зависимости от административно-территориальной принадлежности, «кристаллизовавшихся» в этнически более однородные общности «татар» (пермских, уфимских) и «башкир», в последнем случае сохраняя в причудливых формах память о своих древних этнических корнях и связях. Скажем, в сохранившемся в составе родословной XVIII в. рассказе о путешествии выходца из клана айле «в страну Кубань», где произошла его встреча с ногайцами, проявившими поразительную осведомленность о родоплеменной структуре айлинцев, на вопрос одно-

го из «древних стариков» из ногайцев этому айлинцу: «Ты сын какой земли?» – последовал ответ: «*Болгарлык иштәкмен*» («Я болгарский иштяк») (Башкирские шежере, 1960, с. 169). Хотя в данном контексте понятие «иштяк» можно рассматривать и как синоним этнонима «башкир» (как, впрочем, и у Абул-Гази Бахадур-хана в XVII в.), все-таки использование понятия «иштәк» в качестве этнонима, да еще в специфическом «булгарском» обрамлении, будь то в данном случае в смысле политонима или этника (т.е. как указание на былую принадлежность к Булгарскому вилайету/Казанскому ханству), выводит такую идентичность за пределы собственно «башкирского» самосознания. Впрочем, уже приведенные исторические предания гайнинцев в XVIII в. также указывали на предков из «татар», на приход их из «Булгара» и на подчинение «кипчакским» и «казанским» «царям» или «ногайскому хану» (Исхаков, 1998, с. 122).

На самом деле это означает, что в средневековье Приуралье, а также Зауралье – Западная Сибирь, являлись общей зоной этногенеза татар разного происхождения и башкир, во многом вообравших в себя одни и те же этнические компоненты. Поэтому здесь к началу развернувшейся со второй половины XVI в. массовой миграции татар из Поволжья сохранялась этническая переходность между формировавшимися в этой зоне башкирами и приуральскими (а частично и зауральскими, т.е. сибирскими) татарами. Правда, этническая ситуация в Зауралье в XVI–XVII вв., как и в более раннее время, нуждается еще в дополнительном анализе.

ЛИТЕРАТУРА

Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Р. С. Хакимова и др. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 225–250.

Антонов И.В. Башкиры эпохи средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 291 с.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.

Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 72–136.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 86–152.

Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.

Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала / Отв.ред. Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1982. С. 18–40.

Вишневецкий Б.Н. Следы угров на Западном Урале // Ученые зап. ПГУ. Т. 12. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 255–269.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII в. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1890. 250 с.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 8. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография н-ков. П.Ф. Каменского, 1900. 183 с.

Дмитриев А.А. Житие св.Трифана Вятского как источник сведений о Перми Великой в XVI в. // Труды Пермской учен. архив. комиссии. Вып. 2. Пермь, 1883. С. 20–41.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 622 с.

Дэфтәре Чынгыз-намә. Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. 44 с.

История башкирского народа (в семи томах). Т. II / Гл.ред. М. М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.

История татар с древнейших времен (в семи томах) Том. II. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф. Хузин. Казань: Изд-во «РухИл», 2006.

История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ / Науч. ред. Д.М. Исхаков. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; Артефакт, 2014. 439 с.

История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджана АН РТ, 2015. 728 с.

Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных регионов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа / Отв. ред. Мухамедова Р. Г. Казань: КФ АН СССР, 1985. С. 36–65.

Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сывленской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 114–121.

Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и населения в XV–XVII вв. // Congress Septimus Internationalis Finno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertations. Vol. 4. Ethnologica et folklorica, 1990-a. P. 386–391.

Исхаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII - начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа / Отв. ред. С.В. Сулова. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990-б. С. 5–30.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.

Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8–11 июня 2001 г.). Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 223–233.

Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки / Этнополитическая история татар. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (г. Казань, 17 марта 2009 г.) Вып. 1. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн», 2009. С. 24–30.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.

Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарскобашкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.

Исхаков Д.М. Ислам у татар Прикамья в средние века: историко-этнографические данные // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках третьего регионального форума мусульманской культуры «Мусульманский мир - 2012» (г. Пермь, 16 марта 2012 г.). Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 46–51.

Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайяте в 60-70-х годах XIV - 40-х годах XV века. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.

Исхаков Д.М. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Зауральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. Барда: МАУ «Редакция «Таң»»/«Рассвет», 2015. С. 44–51.

Исхаков Д.М. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса // История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 122–157.

Исхаков Д.М. К вопросу этнической принадлежности татар домонгольского времени // Кыргыз жана карахандар каганттары: Куттуу билим жана мамлакет: карахандар даорунун залкар ойгылу жана акыны Жусуп Баласагындын 1000 жылдыгына арналган IV эл аралык илимий-тапсрыйбалык жыйындыгы баяндамалардан жыйнагы: 2015 - жылдан аяк (сентябрь) айының 18-19 у. Бишкек ш. Бишкек: «Махprint» басмасы, 2015-в. С. 238–240.

Исхаков Д.М. Иштякская общность Приуралья в Средневековье // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Р. С. Хакимова и др. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.

Исхаков Д.М. История рода Яушевых в средневековой период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 115 с.

Исхаков Д.М. «Дәфтәре Чыңгыз-намә» әсәренә бер урынына комментарий // Туган жир. Родной край. 2018-б. № 2. С. 25–28.

Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайяте Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 128–145.

Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 130 с.

Киреев А.Н. Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 60–63.

Кононов А.П. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958. 193 с.

Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988. 268 с.

Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 115 с.

Кузеев Р.Г. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству / Отв. ред. Уфа: Н.В. Устюгов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1958. С. 3–23.

Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I - начале II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. III. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1963. С. 228–248.

Кузеев Р.Г. Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии (Доклад, представленный на IX МКАЭН). М., 1973. 16 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. 263 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963. 151 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.

Кумеков Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Постоянной международной алтаистической конференции (Р1АС). I. История, литература, искусство / Под ред. В. М. Солнцева и др. (Ташкент. Сентябрь 1986) М., 1986. С. 39–40.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 242 с.

Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 363–390.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 632 с.

Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1908. №1. С. 164–192.

Немет Ю. Специальные проблемы татарского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. №6. С. 126–136.

Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 249–262.

Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала / Под ред. Ф. П. Быстрых и др. Свердловск, 1960. С. 28–38.

Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. Т. II. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальникову Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 130–135.

Пекарский П.П. Когда и для чего основали города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. Т. X. №5. СПб., 1872. С. 1–29.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII–начале XVIII вв. М.: АН СССР, 1956. 302 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962. 578 с.

ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 254 с.; 266 с.

Рамазанова Д.Б. Общие моменты лексики говора пермских татар с восточнотюркскими языками // Источниковедение и история тюркских языков / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1978. С. 107–115.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования пермских татар // Пермские татары / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. С. 137–154.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. 236 с.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир / Записки государственного русского географического общества. Т. XLIII, Вып. 2. Пг.; Л.: Тип. Якорь, Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 330 с.

Самойлович А.Н. Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. Т. II. Петроград, 1923. С. 98–119.

Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в волжскоуральском крае // Новый Восток. 1927. Кн. 18. С. 210–217.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества любителей естествознания. Т.39. Свердловск, 1924. С. 81–112.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI–первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 275 с.

Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения / Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. №2. Уфа: Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001. 752 с.

Тумашева Д.Г. Этнические связи западносибирских татар (по материалам топонимии и антропологии) // Советская тюркология. 1987. №2. С. 38–51.

Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 30–37.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 160 с.

Халиков А.Х. История формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 7–36.

Шиганов Н.Н. Ирен буендагы татар авыллары тарихыннан // Туган жир. Родной край. 2017. № 1. С. 78–87.

Шишонко В. Пермская летопись 1263–1881 гг. Третий период с 1645–1676 гг. Пермь: типография Губернской земской управы, 1884. 1168 с.

Юсунов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Материалы Конф. по татар. языкознанию, посвящ. 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию Татар. АССР, состоявшейся 9-11 апр. 1980 г. в г. Казани / Отв. ред. Р. Г. Ахметьянов. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. С. 43–50.

Юсунов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре. Казан: «Мәгариф» нәшрияте, 2003. 349 б.

Әхмәтҗанов М.И. Пермь һлкәсе шәжәрәләре // Пермь татарлары турында / төз.,ф.ред.Р.Ягъфәров. Барда: Барда типографиясе, 2000. Б. 84–98.

Mandoky Kongur I. 1988. The question of identifying the Hungarian tribal name Jenö with the Bashkir ethnonim Yanay. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1(42), 43–48.

Информация об авторе:

Исхаков Дамир Мавляевич, доктор исторических наук, главный редактор журнала "Туган жир. Родной край" (г. Казань, Россия); monitoring_vkt@mail.ru

MEDIEVAL ISHTYAK COMMUNITY OF CIS-URALS AND TRANS-URALS: HISTORIOGRAPHIC AND CONCRETE HISTORICAL ANALYSIS

D.M. Iskhakov

The article considers the understudied issue of medieval Ishtyak ethnic community of the Cis-Urals and Trans-Urals, which participated in the formation of the Tatar population of the Perm Urals and Trans-Urals (Western Siberia), and the Bashkirs in the same area. As a result of the study, the author formulated a concept of the Ugric ethnic origins of the medieval "Ostyak" ethnic community of the North-Western Ural region, which was, however, strongly influenced in later periods by the Turks of different origins (Bolgars, Kimaks and Golden Horde groups, including Nogais and Shibani (Tyumen) Tatars). The further differentiation of this community into Tatars (Perm, Ufa and Siberian) and Bashkirs was associated with the administrative and territorial transformations of the 16th-17th centuries, as well as the characteristic features of the ethnocultural development of the Turkic population in different zones of the Ural-West Siberia area.

Keywords: ethno genesis, ethnic history, Ugrians, Turks, Tatars, Kimaks, Golden Horde Tatars, Ostyaks/Ishtyaks, Bashkirs, Nogais, Siberian and Perm Tatars, Middle and Southern Urals, Western Siberia (Trans-Urals).

About the Author:

Iskhakov Damir M. Doctor of Historical Sciences. Chief Editor of "Tugan Zhir. Rodnoi Krai" journal Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Karl Marx Str., 38/5, Russian Federation; monitoring_vkt@mail.ru